

УДК 378:353

СУЛИМОВ Константин Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; k.sulimov@psu.ru)

БОРИСОВА Надежда Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; borisova_nv@psu.ru)

БОРОДИНА Лидия Станиславовна — студентка историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; borodinalidiya@psu.ru)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И МИССИИ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЗЕРКАЛЕ ИХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования 38 европейских университетов (члены Коимбрской группы) и 47 российских (члены Ассоциации классических университетов России) на предмет вариантов институционального выбора в отношении двух современных глобальных трендов: интернационализации образования и исследовательской деятельности и обращения университета к местному, региональному сообществу. Последнее в меньшей степени подвержено стратегической рефлексии и институционализации, однако отмечается ключевое отличие российских университетов в практике реализации этого тренда.

Ключевые слова: образовательная политика, стратегическое развитие университетов, миссия университета

Базовая дилемма вызовов, с которыми сталкиваются современные университеты, определяется двумя доминирующими дискурсивными трендами: глобализацией/интернационализацией образования и исследовательской деятельности, с одной стороны, и локализацией, «поворотом» университета к сообществу, городскому или региональному, с которым он связан непосредственными практиками жизнедеятельности, — с другой. Эти тренды, будучи, казалось бы, разнонаправленными, на практике взаимодействуют и создают в каждом конкретном случае относительно универсальный набор условий и стимулов для развития университета. Использование концепции институционального изоморфизма П.Дж. Ди Маджио и У.В. Пауэлла [Di Maggio, Powell 1983] позволяет зафиксировать и понять сущностные характеристики амбивалентности и даже множественности ролей и функций современных университетов на примере ответа университетов на эти разнонаправленные вызовы.

Развитие университета институционально осуществляется через формулирование и реализацию собственной стратегии, что заставляет университет структурно и институционально перестраиваться. Выбор университетом стратегии развития происходит практически всегда 1) с ориентацией на другие успешные университеты и 2) исходя из представлений о логике интернационализации науки и образования.

Исследование осуществлено на основе сравнительного анализа 38 университетов — членов Коимбрской группы¹ и 47 университетов — членов Ассоциации классических университетов России (АКУР)². Выбор Коимбрской группы как

¹ Members of Coimbra Group. URL: <http://www.coimbra-group.eu/home/map> (accessed 13.04.2016).

² Члены Ассоциации классических университетов России. Доступ: http://www.acur.msu.ru/about_founders.php (проверено 13.04.2016).

ассоциации старейших вузов Европы, основанной в 1985 г., обусловлен тем, что по замыслу ее создателей она была сформирована исходя из идеи интенсификации в европейском образовательном пространстве «специальных научных и культурных связей и сотрудничества, способствующих интернационализации образования и науки, а также участия университетов в формировании Европейской образовательной политики»¹. В миссии Коимбрской группы в качестве приоритетных указаны следующие задачи: поддержка академического и студенческого обмена и мобильности в Европе; улучшение качества европейского образования и его конкурентоспособности в глобализирующемся мире, продвижение и развитие европейского образовательного пространства и науки; влияние на образовательную политику в странах ЕС; участие в экспертной работе; повышение социальной роли университетов; влияние их на местное, региональное и глобальное развитие².

Выбор АКУР связан с тем, что в ее состав входят только классические университеты, соотнесенные по своей специализации с университетами – членами Коимбрской группы, в составе которой тоже преимущественно находятся классические университеты, а не технические или политехнические школы. Кроме того, членами АКУР являются разностатусные университеты: и столичные (МГУ и СПбГУ), и НИУ, и федеральные университеты, и стандартные региональные университеты. Как с точки зрения финансирования, так и с точки зрения исходящих от государства стимулов к выбору стратегического варианта развития эти университеты, вероятно, могут по-разному реагировать на обозначенные выше вызовы времени. Как и в случае Европы, состав группы представляет в географическом отношении максимально широкий спектр участников. В качестве задач, в отличие от европейцев, российские классические университеты, сформировав ассоциацию, определили: участие в процессах «утверждения приоритетов образования, науки и культуры как основных факторов современного прогресса»; содействие «сохранению единого образовательного пространства Российской Федерации и традиций классического университетского образования России»³. По обеим группам выборки (в совокупности – 85 университетов) была составлена база данных, в которую вошла информация о наличии и содержании документов стратегического развития университетов, а также характеристики их организационно-институциональной структуры.

Анализ этих данных показал, что университеты – члены Коимбрской группы в период с 2012 по 2016 г. массово приняли специальные стратегии в качестве среднесрочных программ своего развития. Эти документы во всех случаях содержат определение миссии университета, формулировки и характеристики направлений деятельности университета, а также определение результатов и целевых показателей его среднесрочного развития. Сравнительный содержательный анализ документов показывает, что большая часть европейских университетов видит в качестве своей миссии привнесение в общество (или сохранение) традиций и культуры высококачественного образования. Незначительная часть университетов группы определяют свою миссию в терминологии инновационного развития науки и образования и следования целям интернационализации образования и науки. При этом подчеркивается, что результаты исследовательской деятельности университетов являются значимым фундаментом процесса обучения. Иными словами, речь идет о развитии модели исследова-

¹ Coimbra Group. URL: <http://www.coimbra-group.eu/> (accessed 13.04.2016).

² Coimbra Group: Mission Statement. URL: <http://www.coimbra-group.eu/home/mission-statement> (accessed 13.04.2016).

³ Ассоциация классических университетов России. Доступ: <http://www.acur.msu.ru/> (проверено 13.04.2016).

тельского университета. К таковым, например, относятся Лейденский университет (Нидерланды)¹, Грацский университет им. Карла и Франца (Австрия)², Орхусский университет (Дания)³, Бергенский университет (Норвегия)⁴, университет Эдинбурга (Великобритания)⁵, Ирландский национальный университет (Ирландия)⁶ и др. Примечательно, что это преимущественно университеты Западной Европы. Ни один из университетов группы, находящихся в посткоммунистической части европейского образовательного пространства (Эстония, Литва, Чехия, Польша, Венгрия, Румыния) или на Юге Европы (Испания, Португалия), сходных этим формулировкам миссий не декларирует.

Роль ориентиров для формулировки стратегий развития, а также целевых показателей очень часто выполняют международные рейтинги. Если для европейских университетов этот ориентир носит условный характер, то для, например, российских университетов ориентир все-таки задается государством и его политикой в области образования и науки. В роли значимого общественного референта для европейских университетов выступают скорее глобальное и/или национальное сообщества, что четко зафиксировано, например, в декларации Европейской университетской ассоциации, а также в «Миссии» Коимбрской группы. В этих документах публичная роль университетов обозначена в терминах развития единого образовательного пространства, распространения общих стандартов. Особо подчеркивается публичная роль европейских университетов перед лицом стоящих перед Европой вызовов, когда желаемым будущим видится институциональное разнообразие, в котором каждый университет будет развивать собственную миссию и профиль деятельности – от глобального соперничества до фокусировки на трансфере знаний в пределах своего региона.

Практически все университеты формулируют целевые показатели своего развития в сфере реализации первых двух ролей, являющихся классическими: образование и научные исследования. Как правило, в первом случае речь идет о внедрении инноваций в образование, стимулировании общеевропейского образовательного пространства, интернационализации и студенческой мобильности. Идеологическим каркасом таких ориентиров оказывается, как правило, идея *life-long learning* (непрерывного образования в течение всей жизни), которая, в свою очередь, связана с внедрением в обучение компетентного подхода. Вторая роль, как правило, понимается европейскими университетами в категориях коммерциализации науки, развитии *for-profit* университетов [Parker 2011]. Требование коммерциализации не только науки, но и знания стимулирует освоение университетами бизнес-стратегий, что отражается и в организационной структуре вузов.

«Двигателем» обозначенного выше «идеологического поворота», воплощенного как в новом понимании образовательной функции университета, так и смещении акцентов в сторону коммерции в сфере академической научной работы, является как совпадение общего глобального тренда интернационализации науки и образования, так и изменение государственной политики (как в стра-

¹ Institutional Plan 2015–2020: Freedom to Excel. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/about-us/profile/institutional-plan-2015-2020-freedom-to-excel> (accessed 16.05.2016).

² University of Graz: Mission Statement. URL: <http://www.uni-graz.at/en/university/information/about-the-university/mission-statement/> (accessed 16.05.2016).

³ Aarhus University's Strategy 2013–2020. URL: <http://www.au.dk/en/about/profile/strategy/> (accessed 17.05.2016).

⁴ University of Bergen: Strategy. URL: <http://www.uib.no/en/strategy> (accessed 21.05.2016).

⁵ University of Edinburgh: Strategic planning. URL: <http://www.ed.ac.uk/governance-strategic-planning/strategic-planning> (accessed 20.05.2016).

⁶ NUI Galway: Vision 2020. URL: <http://www.nuigalway.ie/vision2020/> (accessed 20.05.2016).

нах Европы, так и в России) в области финансирования науки и образования. Однако несколько нюансированную картину мы обнаруживаем в скандинавских европейских странах, где еще с 1960-х гг. на университеты государство возложило функции формирования и консолидации местных сообществ в идеологии развития непрерывного образования, основанного на тесном сотрудничестве городских школ и университетов, что стало стимулом к развитию их социальной роли. В конце XX в. скандинавские вузы, подобно тому, как это делает бизнес, пошли по пути разработки этики «корпоративной социальной ответственности», включающей достижение экономического благополучия сообщества, обеспечение «благоприятной среды» и создание новых рабочих мест, повышение качества человеческого потенциала. Это пример так называемого подражательного изоморфизма (в терминологии Ди Маджио и Пауэлла): опыт социально ответственного бизнеса был привнесен и заимствован образовательными учреждениями, следствием чего стало формирование идеологии «третьей роли» университетов. В текстах программ стратегического развития скандинавских университетов последние понимаются не только как образовательные институты, но как субъекты социального взаимодействия и равноправные участники регионального (городского) развития, определяющие, наряду с властью и бизнесом, региональную повестку дня и стратегии регионального развития¹. Последовательное структурирование и таргетирование «третьей роли» в программных документах североевропейских вузов – членов Коимбрской группы является правилом.

Другие университеты группы являются далеко не столь продвинутыми и последовательными в формулировке своей «третьей роли». Каких бы то ни было упоминаний о третьей роли нет в случае Орхусского университета (Нидерланды), университета Падуи (Италия), Лионского университета (Франция). Даже если она упоминается в стратегических документах, нередко авторы стратегий ограничиваются общими словами, как, например: «Университет стремится: 1) к обеспечению высокого авторитета и признания в обществе; 2) стать открытым для сообщества университетом – местом встречи для исследователей и горожан»². Более того, даже обозначенные в качестве ориентиров задачи интенсификации связей университета и города (региона) не сопровождаются сколько-нибудь последовательным изменением организационной управленческой структуры университета. В более чем половине случаев отсутствуют как специально выделенные департаменты, так и должность проректоров, ответственных за взаимодействие с городом (регионом).

Изменение статусов российских университетов во второй половине нулевых – начале 2010-х гг. (появление НИУ, федеральных университетов, слияние) как часть государственной политики в сфере образования и науки в совокупности с преференциями в их финансировании стимулировало университеты к актуализации вопроса о стратегии собственного развития. Начиная с 2010/2011 г. российские вузы, особенно те, что оказались в зоне внимания и поддержки государства, разрабатывают и принимают программы своего развития, в т.ч. включающие вопросы о стратегии развития университета, его миссии для страны, региона, города.

Стратегия или программа развития отсутствуют только у двух университетов: Белгородского государственного университета и Волгоградского государственного университета. Формулировки своей миссии российскими университетами по своему содержанию и направленности аналогичны европейским: служение

¹ University of Turku: Strategia 2016–2020. URL: <https://apps.utu.fi/media/nakoislehdet/strategia2020/#/article/1/page/1> (accessed 10.05.2016); University of Bergen: Strategy. URL: <http://www.uib.no/en/strategy> (accessed 21.05.2016).

² Charles University Long-term Plan. URL: <http://www.cuni.cz/UKEN-110.html> (accessed 11.05.2016).

университета обществу (стране, региону) посредством воспроизводства качественного инновационного знания и развития конкурентоспособной науки. Аналогично европейским, российские вузы, определяя для себя ориентиры и целевые показатели образовательной и научной деятельности, руководствуются необходимостью внедрения в образовательный процесс инновационных методов и технологий обучения, программ непрерывного обучения. В научной деятельности во главу угла они ставят как идеи коммерциализации знания и науки, так и решение посредством научных изысканий проблем и вопросов, важных для города, региона и страны в целом. При этом значимой разницы между вузами со статусами НИУ или федеральных университетов и обычных классических (региональных) университетов не выявлено. В случае если целевые показатели развития хоть сколько-нибудь детализированы, они чаще всего имеют наукометрический характер, что отвечает требованиям государственной политики в области науки и образования.

Организация управленческой структуры университетов в большинстве случаев соответствует стратегическим направлениям деятельности вуза и ожидаемым результатам. Трансформация (реструктуризация) внутренней управленческой структуры университетов [Соломин, Громова 2014] сопровождается принятием и реализацией университетами программы стратегического развития. Речь идет об отделах (департаментах) по управлению проектами, инновациями, бизнес-инкубаторах, управлениях академической мобильности.

Выстраивая собственную стратегию развития, университет обозначает цели, которых он хотел бы достичь, а для этого определяет для себя ориентиры. Очевидно, что для таких российских гигантов, как МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, внешними ориентирами являются ведущие зарубежные вузы, входящие в топ-100 международных рейтингов. Для региональных университетов ориентиры поскромнее – крепкие региональные (провинциальные, не расположенные в столице), средние по масштабу (численность студентов, преподавателей, бюджет) университеты стран Европы и других регионов мира.

Включение в стратегии развития университетов задач по реализации «третьей роли» является крайне редким и далеким от образцовой скандинавской практики явлением. Исключение, пожалуй, составляет Пермский государственный национальный исследовательский университет, где эта роль не просто упоминается в стратегии, но фактически реализуется. В иных случаях, где хотя бы есть упоминание о взаимодействии с региональным и/или городскими сообществами, понимание третьей роли крайне специфично: она предстает скорее как форма коммерциализации естественнонаучных разработок университета и фактически не выходит за рамки классических первой и второй ролей. По-видимому, причина кроется в особенностях социального контекста и среды, в которых живут российские университеты: это отсутствие традиций негосударственного высшего образования и, как следствие, ограниченный характер университетской автономии. Особенности российской урбанизации фреймируют выбор университетом его стратегии. Для европейских университетов (за исключением скандинавских) нормативное закрепление третьей роли и социальной ответственности не является обязательным условием их реализации. Часто «встреча города и университета» происходит в процессе решения совершенно конкретных задач и проблем, значимых как для университета, так и для города [Борисова, Сулимов 2015; Смирнов и др. 2013]. Институционализация «третьей роли» в европейских университетах вырастает как из практики долговременного сосуществования города и университета, так и необходимости решения проблем, которые возникают на стратегически очевидном и бесспорном пути интернационализации. Для большинства российских региональных столиц, крупных промышленных центров,

где есть университеты, такой объективный стимул к сотрудничеству города и университета отсутствует. Городская среда и окружение не создают вызовы для университета. Да и у самого университета чаще всего стимулов к институционализированному сотрудничеству в идеологии «третьей роли» нет.

В европейских странах обозначенные выше два тренда (глобализация и локализация) поддерживают друг друга, при том что интернационализация (вкуче с коммерциализацией) выглядит ведущей в этом тандеме. Обращение к местному, региональному сообществу в меньшей степени подвержено стратегической рефлексии и институционализации. Современные университеты (и европейские, и российские) сталкиваются с одинаковыми вызовами современного глобального мира. Однако разность институциональной и ресурсной среды при, казалось бы, схожих процессах институциональной трансформации не обязательно ведет к похожим результатам.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00501.

Список литературы

Борисова Н., Сулимов К. 2015. Университетское сообщество между глобальностью и локальностью: вызовы и ответы. — *Политическая наука*. № 3. С. 138-149.

Смирнов В., Фадеева Л., Пунина К., Голубев С. 2013. Университет и региональные (городские) сообщества: модели взаимодействия и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт). — *Ars Administrandi*. № 4. С. 102-116.

Соломин В., Громова Л. 2014. Управление структурными подразделениями университета в условиях реструктуризации. — *Высшее образование в России*. № 12. С. 19-24.

Di Maggio P.J., Powell W.W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. — *American Sociological Review*. Vol. 48. С. 147-160.

Parker L. 2011. University Corporatization: Driving Redefinition. — *Critical Perspectives on Accounting*. Vol. 22. No. 4. P. 434-450.

SULIMOV Konstantin Andreevich, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Perm State University (15 Bukireva St, Perm, Russia, 614107; k.sulimov@psu.ru)

BORISOVA Nadezhda Vladimirovna, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Perm State University (15 Bukireva St, Perm, Russia, 614107; borisova_nv@psu.ru)

BORODINA Lidiya Stanislavovna, student at the Chair of Political Science, Perm State University (15 Bukireva St, Perm, Russia, 614107; borodinalidiya@psu.ru)

STRATEGIC GUIDELINES AND MISSIONS OF MODERN UNIVERSITIES IN THE MIRROR OF THEIR ORGANIZATIONAL STRUCTURE

Abstract. *The authors mark two evident tendencies in the global educational policy; they are internationalization of education and research, and cooperation with local communities. The article represents the results of the comparative analysis of these two trends with 38 European (Coimbra Group) and 47 Russian (Association of Classical Universities of Russia) universities as a sample. Trends of globalization and localization follow each other in European cases; internationalization and commercialization as a part of this trend lead in the tandem. Cooperation strategy as a result of a long town & gown tradition is marked.*

Implementation of Russian cooperation strategy extremely differs from the European experience because of the key difference in the character of institutional and resource environment.

Keywords: *educational policy, strategic university development, university mission*

МИХАЛЬЧЕНКОВА Наталья Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент, и.о. ректора Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (167001, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, 55; mehedova@yandex.ru)

ГЕРМАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРИЗМА И ТОТАЛИТАРИЗМА

Аннотация. Система образования в целом, а также высшее образование как ее подсистема всегда достаточно тесно связаны с общей политической обстановкой в стране, с политической системой и политическим режимом как способом осуществления власти. В статье анализируются взаимоотношения науки, образования и политического режима, выявляется их комплексный и противоречивый характер. Отдельные отрасли и направления в образовании и науке поддерживаются как авторитарными, так и тоталитарными режимами, которые в ряде случаев оказываются способными стимулировать развитие, препятствовать ретроградным тенденциям, излишнему консерватизму и стагнации. В ином контексте их действия приводят к разрушению систем или нанесению им значительного ущерба.

Ключевые слова: авторитаризм, диктатура, политический режим, поддержка, разрушение, консерватизм, стагнация

Одним из наиболее ярких примеров развития и функционирования университетов в условиях авторитарных режимов различной степени жесткости, а также в условиях откровенных диктатур, подавлявших волю человека и препятствовавших свободному творчеству, является Германия. Достаточно многочисленные германские университеты появились задолго до формирования единого государства в небольших монархиях, существовавших на территории современной Германии, а также других территориях, входивших в состав Священной Римской империи германской нации. Именно ее ликвидация в 1806 г. в результате наполеоновских войн и связанная с этим секуляризация общественной жизни в Германии стали отправной точкой в интенсивном развитии образования в целом и университетов в частности. Наиболее активным и продуктивным этот процесс был в Пруссии – королевстве, которое выделялось своим масштабом и влиянием, а в дальнейшем стало ядром образования централизованного государства – Германского рейха.

Идея университета была предметом живейшего интереса немецких философов: после катастрофы Первой мировой войны в 1923 г. Карл Ясперс опубликовал работу с таким названием, где он призывал к возрождению гуманистических идеалов и независимости научных исследований от политических и иных внешних обстоятельств. По оценкам многих ученых, как современников Ясперса, так и работавших в более поздний период, представленная им картина носила ярко выраженный идеалистический характер [Sieg, Korsch 2005].

В противовес Ясперсу десятилетием позже сформулировал свое видение «политизированного» университета Мартин Хайдеггер в ректорской речи 27 мая 1933 г. во Фрайбурге. Название философского текста, созданного Хайдеггером, – «Самоутверждение германского университета» [Heidegger] – не вступает в противоречие с политикой приобщения преподавателей, ученых и студентов к господствовавшей в тот период в Германии нацистской идеологии. Хайдеггер